

Сумасшедший Серафим

Виктор Петрович Плюхин вдруг сошел с ума. Как-то разом «слетел с катушек», и ничего с этим уже не поделать. Жил себе человек нормальной жизнью, и вдруг как подменили...

Началось все с экономического форума, который власти областного сибирского региона начали проводить каждый год в зимний период. Чиновничье сословие и деловой люд слеталось на это событие со всех российских краев и областей. Приезжало и множество забугорных гостей. Про прессу и говорить нечего, как вороны на помойке кружили вездесущие журналисты. Действо это - экономический форум - проходило уже несколько лет кряду. Площадка приобрела вес и значение, как в стране, так и в мире, побывать здесь считалось престижным. Владелец бизнес-центра, где проходило событие, грёб деньги лопатой; участие стоило недёшево. Обязательно жаловал своим присутствием областной центр кто-то из самых высоких российских особ со свитой.

В год, когда сошёл с ума Плюхин, на форум прибыло второе лицо государства, зал был полон. Многие были тут не ради интереса, а для галочки, поэтому тайно себе дремали, делая вид, что двухчасовая речь элитной персоны несет глубинные мысль и мудрость. Сидели, оперев тяжелую с похмелья голову на руку, как будто в размышлениях. Государственный руководитель вещал витиевато об успехах страны, о трудностях в работе. Пенял на инертность населения в проведении реформ, коррупцию и прочие российские беды. Было откровенно скучно, как будто играла давно всем надоевшая виниловая пластинка с дешевым шлягером.

Второе лицо государства наконец устало и начало подводить мысль к лозунгу, что работы у нас, господа-товарищи, немеряно, и нужно засучить рукава. Положенные аплодисменты прокатились по залу. Наступило время вопросов к высокой особе и его свите. Работники пресс-службы продуманно распределились по залу с микрофонами. Скучные дядьки в дорогих костюмах стали задавать умные вопросы о макроэкономике, рецессии, инфляции, стагнации и модернизации. Государственный муж стойко отвечал и разъяснял закономерности особого пути державы и её экономического развития.

Каким-то стечением обстоятельств микрофон достался Виктору Петровичу. Начальник пресс-службы, держа в руках что-то типа указки, ткнул в него, предоставляя слово.

«Уважаемый, Премьер, - сказал Виктор Петрович,- а помните, как мы учились на юрфаке?» Государственный муж незаметно кивнул.

«А помните ?- продолжал оратор, - была одна наша студенческая пьянка в общежитии юрфака на Новокузнецком ? Кажется, в честь Дня юриста. И мы с Вами не поделили Люську-аэродром?»

«Бультерьеры» из федеральной службы охраны и «доперманы» из ФСБ сразу напряглись и приняли боевую стойку, готовые по незаметному знаку начальства кинуться в бой и разорвать наглеца. Но тот сидел в середине ряда и говорил очень быстро. Никто не успел принять меры.

«А потом – продолжал Виктор Петрович, - мы крепко напились и поимели Люську хором. Так и с Россией сейчас. Вы имеете ее всем своим кооперативом «Озеро» и во все щели.....»

Договорить хаму не дали, отключили микрофон. По половине зала прокатился громкий ржач. Второе лицо государства изрекло скороговоркой: «Вы меня с кем-то перепутали».

Губернатор Лев Мокрецов сидел пунцовый как рак. Руководитель правительства тоже залился румянцем.

Охранные люди как змеи стали стягиваться к Виктору Петровичу, а солидные дядьки понимающе освобождали им путь. Нарушителя спокойствия, взяв под рученьки, вывели из зала. Представители западной прессы пытались к нему пробиться, но безуспешно. На два месяца Виктор Петрович исчез.

В восьмидесятых годах прошлого века Плюхин Виктор Петрович, окончив почти с медалью среднюю школу-интернат в провинциальном сибирском городке, двинул в Ленинград. Решил поступать на юридический факультет Ленинградского университета. Обладая недюжим умом и не по годам знаниями, поступил с первого раза. Учился блестяще.

Закончил, остался в университете на научной работе. Правовой наукой занимался недолго, года полтора, а потом вдруг бросил всё и вернулся в Сибирь.

Страна уже бурлила Перестройкой. Росло кооперативное движение, Виктор Петрович стал адвокатом и владельцем кооператива. Его кооператив занимался какими-то хитрыми научными разработками, продавал мудрёные изделия в зарубежье. Плюхин исповедовал законопослушность и честность в ведении дел с государством. Кооператив приносил хороший доход. Так шло бы и ехало всё, но наверху решили, что не могут кооперативы рассчитывать деньгами, и разом накрыли медным тазом нарождающийся средний класс.

Адвокат Плюхин пытался найти тайные логику и смысл в действиях руководства страны. Но логика куда-то ускользала, а тайный смысл был за стеной до небес и недоступен пониманию. Начинающие производители товаров разом вымерли.

И Виктор Петрович полностью отдался адвокатской практике. По просторам необъятной страны широкой поступью шагал сухой закон. Народ штурмовал амбразуры винных магазинов, гнал самогонку, кто посмелее. Бойко росла алкогольная спекуляция. Первые водочные короли нагуливали жир, сплачивая вокруг себя уголовный элемент. Зарождалась организованная преступность.

Адвокат Плюхин защищал редко попадавшихся начинающих водочных дельцов. Тайные торговцы его уважали и платили щедро. Так он свел знакомство со многими в будущем очень авторитетными и уважаемыми людьми.

Но тут опять появилась надежда. Стали открываться разные малые предприятия, появилась такая замысловатая форма законного предпринимательства. Кооператоры к тому времени уж все вымерли, с удвоенной энергией уцелевший народ с деловой жилкой ринулся создавать МП.

Виктор Петрович вновь нырнул, как в омут, в предпринимательство, создав малое предприятие при одном из НИИ. Реанимировал свои заумные идеи, и опять начал производить недоступные пониманию нормального человека узлы и блоки. Зарубежные партнеры покупали продукцию научного МП с великой охотой. Руководство НИИ было сытно-довольно, в отчетах отразилось улучшение показателей научной и финансовой деятельности.

За год малое предприятие под руководством Плюхина расцвело и стабилизировалось. А руководство НИИ решило избавиться от энергичного директора и уволило, поставив на его место удобного и неконфликтного научного функционера.

Виктор Петрович начал судебный процесс, который, впрочем, длился недолго, так как новое руководство весьма быстро развалило налаженное производство и растеряло партнеров. Плюхин был восстановлен через суд в должности, но на второй день подал заявление на увольнение по собственному желанию.

Он вновь активно занялся адвокатской практикой, которую впрочем и не бросал, поддерживая в вяло-текущем состоянии. Теперь сфера его деятельности распространилась на приходящие в упадок советские заводы, которые были по кругу должны друг другу. Плановая экономика распадалась. Рассыпались на осколки производственные объединения. Процветали лишь гнавшие на экспорт полуобработанное сырье

предприятия, получая по бартеру невиданные доселе автомобили-иномарки, цветастую яркую одежду и разный ширпотреб.

Все стремились к хозяйственной самостоятельности и неистово судились. У Виктора Петровича работы было хоть отбавляй.

Но тут грянул путч и огромная страна рассыпалась, как какое-то производственное объединение «Енисейлес». Вмиг. Запахло весной и свободой. Надежда на лучшую жизнь забурлила как бражка. «Скоро будем жить как на Западе»- носилось в воздухе – «исчезнет дефицит».

Дефицит действительно быстро исчез. Как грибы после дождя, росли ларьки и магазинчики. Все вкушали декалитрами спирт «Роял» и ходили, облизываясь на полные всякой иноземной вкусной всячины прилавки. Цены летели вверх, как некогда советские космические корабли.

Руководители самостоятельных государственных предприятий впали в длительную депрессию, денег сверху никто теперь им не давал. Бартер стал никому не интересен, деньги обесценивались. Допотопная продукция не находила спроса, но они продолжали её шлепать, ибо ничего иного не умели.

Час Плюхина настал. Окрыленный долгожданной свободой, он открыл предприятие, перетянул из НИИ всех нужных сотрудников, и дело закипело. А так как работало предприятие за валюту, то обесценивающийся рубль не оказывал особого влияния на развитие. За два года купили помещения и оборудовали их; небольшой заводик набирал обороты.

По просторам страны как раз гуляла вдруг окрепшая братва, крышуя юный нарождающийся бизнес и заменяя собой неработающий арбитражный суд.

Плюхина братва не трогала. Уважали как адвоката. Знакомства прошлых лет хранили его, как берег.

Виктор Петрович стал много ездить по иноземным странам. Много учился, посещал похожие научные производства и совершенствовал свой заводик. Время летело как комета.

А руководство державы вдруг взяло и расстреляло из танков мешающий электрошоковым реформам парламент. Потом начало проводить финансовую стабилизацию экономики. В верхах по чьему-то совету решили, что денег в стране избыточно много. Нужно было сократить денежную массу. Деньги враз в экономике стали дефицитом. Доллар загнали в коридор. Пришел его величество Зачет.

Новая и невиданная доселе форма финансовых расчётов между предприятиями набирала обороты. Рассчитывались чем угодно, но не деньгами. Любым товаром, зачётами в Пенсионный и медицинский фонды, НДС, зачётами на железную дорогу и черт его знает куда. Зарплаты людям стали платить натурально, то есть продуктами, одеждой, собственной продукцией и всякой всячиной.

Братва отстреливала друг друга и предпринимателей. Люди, не втянутые в новые процессы, крутили головами, силясь понять, что происходит вокруг, привыкая к дешевым китайским шмоткам, которые выдавали вместо зарплаты.

У Плюхина же всё было хорошо. Внедрялись новые идеи. За счет валюты производство работало стабильно. Зарплату платили деньгами.

Как-то незаметно в те годы организовалась налоговая полиция. Виктор Петрович смотрел на это фискальное явление спокойно, ведь у него было «всё по закону». Он изучил налоговый учёт и бухгалтерию. Предприятие исправно платило налоги, причем деньгами, а не зачётами. Но гром грянул неожиданно.

Приехали «маски-шоу» без предупреждения и расставили всех без исключения работников в растяжку «руки за спину или за голову» вдоль стен. Загрузили всю документацию, включая техническую, а также компьютеры, в тонированные машины и отбыли восвояси. Оставив акт-бумажку о проверке и изъятии документации. Производство встало.

Плюхин не верил в происходящее. Хоть он был адвокатом и посмотрелся всякого, но всё-таки в самой глубине души верил в Закон. Кривенький и косенький, временами совсем не работающий, но Закон. Но чтоб вот так, по-бандитски, не объясняя причин. Чем же тогда эти «слуги Закона» отличаются от братвы? Кристаллическая решетка мироздания в голове предпринимателя пошла вразнос.

Беседы и встречи с представителями полиции ни к чему не привели. «Идет проверка; ваше дело изучается и вы будете уведомлены о результатах» - такие ответы он получал.

Предприниматель писал жалобы, подал иски в три суда. Ничего не действовало. Отписки шли веером. Производство простаивало. Счета предприятия арестованы. Блокада.

Предприниматель силился понять, что происходит, но события развивались вопреки человеческой и юридической логикам; по неизвестному сценарию, кем-то написанному.

Плюхин решил посоветоваться с одним из своих бывших клиентов, ныне очень авторитетным предпринимателем.

Авторитет недолго размышлял над задачей, которая терзала Виктора Петровича.

Развалившись в ресторанном кресле и поигрывая четками, авторитет выдал адвокату: «Братан, ты что на Луне живешь? Да заказали тебя, в натуре. Хочешь пробыю, чей интерес лёг на твоей дороге? Если что, решим вопрос реально. Я добро не забываю. Закатаем в асфальт и дело с концом.»

Адвокат был противник решения вопросов силовыми и насильственными способами, но от получения информации не отказался. Дня через два авторитет назначил встречу.

Сверкнув толстенной золотой цепью на груди, плюхнулся на диван и достал привычные четки. Выпив рюмку водки, сосредоточился и грубым голосом начал короткий рассказ: «Перешел ты дорогу, сам того не ведая, Адвокат, людям серьезным.... Когда-то у тебя было малое предприятие при НИИ. Так вот, братан. С год назад директор этой шарашки женил своего сына-ублюдка на дочке генерала, что рулит этой полицией. Решили они прибрать твой заводик, чтоб деткам, мать их, было, что кушать. Пасьянс очень простой. Отжать их будет проблема, в натуре. Ну, ты сам понимаешь, красные рамсы нам не интересны. Не наша территория, бля буду...»

В голове Виктор Петровича цепь замкнулась. Все неизвестные этого жизненного уравнения встали на свои места.

Авторитет продолжал: «Жди скоро толмача, ну вашим интеллигентским языком – парламентаря. Будет предложение. Если откажешься, то, бля буду, закроют тебя»

Плюхин не верил в такое развитие событий и решил бороться за своё детище цивилизованно и до конца. Парламентар действительно скоро прибыл, говорил туманно и загадочно. Виктор Петрович слушал его в пол-уха, а потом спросил в лоб, не скрывая своей информированности, и назвав всех по именам. Парламентар растерялся, а потом ответил, что хотят эти люди всё его предприятие. Откланялся, дав на раздумье сутки.

Через сутки он позвонил и, услышав от Плюхина твёрдое «никогда», спорить не стал и повесил трубку.

Прошло два дня и за адвокатом пришли. Арест происходил как в дурацком детективе, со спецназом и суровыми операми. Так начиналось в стране рейдерство, это было еще редкостью, только со временем приобрело широкие масштабы.

В тюрьме Плюхин просидел восемь месяцев. Потом он вспоминал этот период с какой-то мрачной благодарностью. Тюрьма помогла ему многое переосмыслить. Его жена подала на развод, но это событие уже воспринималось им как закономерное и не вызвало внутреннего протеста.

Здесь в СИЗО он познакомился с одним младшим офицером из местного спецназа. Тот умудрялся как-то выдергивать Плюхина из надоевшей камеры в спецпомещение, где они часами вели философские беседы и пили чай. Спецназовец был очень хорошо эрудирован, но по-солдатски груб и во многих вещах невежественен. Виктор Петрович, в свою очередь, был несведущ во многих жизненных вопросах. Процесс общения был взаимно интересен обоим, так как открывал им глаза на неизведанные стороны жизни.

Через полгода заточения адвокат смеялся над своей недавней наивностью, ибо рядом в камере были еще более курьезные и нелепые случаи из жизни.

Со спецназовцем Плюхин очень сдружился, и тот помогал ему продуктами и одеждой. Дело у полицейских никак не клеилось, но адвокат уже знал дальнейшее развитие событий, был спокоен и невозмутим. Дело и не должно было состояться. Его продержат до того времени, пока не переоформят его предприятие. Так и вышло.

Воздух свободы не опьянил Виктора Петровича. Он собрал необходимую информацию о своем заводике, который был уже чужой собственностью. Коллеги-юристы хорошо потрудились. Если ввязаться в судебные процессы, то уйдут годы, и вряд ли справедливость восторжествует. У российской Фемиды глаза завязаны, а вместо весов купюросчётная машина. Тюрьма излечила от наивности. Теперь Плюхин понимал и чувствовал Закон; точнее, он стал понимать алгоритмы применения этого Закона.

От бывшего предприятия осталась лишь юридическая оболочка, обвешанная долгами. Но этот вопрос адвокат нудно и кропотливо разрешил, в итоге закрыл юридическое лицо. От бывших работников знал, что новый владелец и директор, номенклатурное чадо, производством не занимается, а нюхает кокаин и пропадает в ночных клубах. Появился такой формат досуга. Нанятый управленец из топов не справляется, так как хозяин регулярно вытягивает из предприятия деньги на личные цели. Недолго еще просуществует это предприятие.

В душе Виктора Петровича не было ни радости, ни горечи. Как будто и не были отданы годы труда. Очень многие знакомые шарахались от него, как от чумного. Но и это не огорчало.

С вновь обретенным другом-спецназовцев долгие беседы продолжились. Служака был истинный солдафон. Шарахался вначале от кафе, сборищ интеллигентов, любых культурных мероприятий. Но потом по привычке, только выглядел в таком окружении все равно нелепо.

Отдохнув, Плюхин решил идти в совершенно новую сферу деятельности - в финансовую. Зачеты в стране покрыли всю ее территорию. Адвокат открыл новое предприятие, взяв неформально в замы по экономической безопасности спецназовца. Битый волк. Теперь на такую мякину его, Плюхина, будет не поймать.

Дело пошло. Директора предприятий, заводов, госучреждений очень охотно шли с Плюхиным на сотрудничество. Адвокат очень хорошо делал работу, не обманывал и держал слово. Комбинации зачетов были фантастическими. География деятельности широкая – вся страна. Предприятие не имело материальных активов, всё записывалось на подставных лиц, которых добывал зам-спецнаовец. Машин было штук десять, недвижимость стала прирастать.

Через год с лишним Плюхин задумался о том, что настала пора сделать что-то стоящее и прочное в бизнесе. Российская действительность не внушала веры в стабильное будущее, и Плюхин, уже натаскавший зама-спецназовца в управлении, решил съездить и присмотреться к загранице. Зам давно бросил свою солдатскую ляжку, приобрел аляповатый новорусский лоск. Но между тем голова зама работала хорошо и, переведя все дела в ослабленный режим, Виктор Петрович отбыл на два месяца на чужбину. Тылы были прикрыты надежно, друг и компаньон просчитывал наперед все возможные пути нападения недругов. Можно расслабиться и познать новое.

Сговорились на том, что Плюхин не будет два месяца даже звонить. Чтоб включится в полной мере в другую реальность.

Погружение в иную жизнь и бизнес были для Виктора Петровича весьма приятны. Правила ведения дел, законы, отношения между людьми, действие договорённостей и культура – всё это очень впечатлило адвоката. Не хватало здесь лишь динамики и размаха. Но это можно с родины привнести. В голове складывалась новая супер-прочная модель бизнеса.

Перспективы манили и радовали. Он проехал несколько стран Европы, знакомился с людьми, посещал бизнес-семинары и выставки. Два месяца пролетели очень быстро.

С желанием поскорее начать воплощать в жизнь планы он прибыл на родину и сразу с самолета помчался в офис делиться с компаньоном впечатлениями.

Но офис со стеклянными стенами стоял пустой. Засосал внутри червячок нехорошего предчувствия, Виктор Петрович сыпанул в червячка-предателя порцией оптимизма, тот трусливо спрятался куда-то.

Адвокат прыгнул в такси и помчался к компаньону домой, лихорадочно надеясь, что всего лишь расторгли аренду и переехали в другое место (собирались же позже это сделать) Но все равно как-то не вязалось

Спецназовец и компаньон в квартиру Плюхина не пустил. Сказал, что через минуту выйдет. Червячок стал опять вылезать из укрытия, и Виктор Петрович его уже не гнал.

А тот рос в размерах, поедая остатки оптимизма. Что-то случилось. «Но что? Почему не пустил в квартиру, где просиживали целые вечера?» - мысли неслись как табун диких лошадей. Адвокат кружил возле подъезда.

Вышел одетый в спецназовскую форму компаньон. Начал говорить быстро, какой-то набор слов без логики и смысла. Он как-будто выплёвывал слова, которые приходили на ум, как в детских считалках. Словесный горох летел и не останавливался.

Плюхин, собрав всю свою волю в кулак, гаркнул:

- Стоп! Где офис? Где люди? – орал адвокат.
- Ничего нет, вообще ничего! – ответил компаньон в камуфляже.
- А где всё?
- Нет ничего и всё. И ничего не было.
- Как ?
- А так !....

Если б Виктора Петровича огрели кувалдой, то ему было бы легче. Он стоял, наклонив голову, пытаясь осознать происшедшее. А компаньон, похлопал его по плечу, недобро улыбнулся. Гадко так улыбнулся. Раньше такой улыбки не было, адвокат это помнил. А компаньон-спецназовец напутствовал: «Ладно, бывает. Прощай. Мне на службу пора. В следующий раз будешь умнее...»

Как только Плюхин уехал изучать европейский бизнес, его компаньон сразу же аннулировал аренду и разогнал сотрудников. Потом быстро продал все машины и недвижимость. Часть документации отдал коллегам-ментам, чтобы те организовали уголовные дела. Спецназовец щедро, на солдафонский манер, взбодрил коллег деньгами. Тогда менты еще были не избалованы. Дела быстренько завели, благо послушных стукачей, готовых подписать любые заявления и показания, всегда было достаточно.

Поняв масштаб пропасти, в которую он угодил, Плюхин уехал в далекую сибирскую деревню и прожил там два месяца. Он ничего не делал, сидел на берегу реки и думал. Сошелся с местным батюшкой Сергием. Вечерами они пили чай и вели беседы о смысле жизни.

Благодаря тому, что он сделал такую паузу, Виктор Петрович выиграл ситуацию вдвойне. У ментов по делам горели сроки без главного фигуранта. И удалось опять-таки многое переосмыслить.

Вернулся адвокат в город флегматично-спокойным и готовым решать возникшую ситуацию. Пока он отсутствовал, избрался и вошел в должность новый губернатор-бывший генерал. Началось такое, что ментам стало не до Плюхина. Хотя репрессивная машина была включена и должна была по инерции перемолоть и его, для отчета и для галочки. Вдобавок ко всему на него подали заявления и бывшие партнеры по зачетам, так как работа была прервана компаньоном резко и без уведомлений, многие начатые схемы повисли в воздухе.

Адвокат начал разгребать юридические завалы, шаг за шагом. Пришлось даже посидеть один раз в изоляторе временного содержания десять дней. Обвиняли в мошенничестве в особо крупных размерах. Два с половиной года ушло на то, чтоб поставить точку и вздохнуть. Никаких «хвостов» нет. Чист. Хотя говорить об этом можно было весьма условно.

С приходом генерала в губернаторы начали происходить совершенно сюрреалистические события. Рейдерство стало повседневностью, никого не удивляло. Заводы летали от хозяина к хозяину как шашки в игре «чапаев», менты вошли во вкус и заменили собой братву.

Директора НИИ, который подставил Плюхина дважды, посадили на восемь лет за продажу отечественных научных секретов. Налоговую полицию в один миг ликвидировали, как будто ее и не было никогда. Руководитель генерал остался не у дел. Его куда-то пристроили в тихое место, через некоторое время в лесу нашли его труп.

Загадочная смерть. Но в этот период в области происходило много загадочного и необъяснимого, смертью генерала особо не занимались. Да и Виктора Петровича все эти события никак не радовали и не огорчали.

Неумолимо наступало новое время. Сменился в стране президент. У многих опять появилась надежда на лучшее и справедливое. У Плюхина же этих надежд более не было, веры в изменения к лучшему не было тоже. У него в этот момент началась другая, внутренняя жизнь; благодаря всем испытаниям открылось видение сути процессов. Теперь он видел далеко вперед развитие любой ситуации, касалось ли это страны,

области или отдельного предприятия. Осмысливая пока, никому об этом открывшемся даре или таланте он не рассказывал.

Иногда ездил в деревню в гости к отцу Сергию попить чайку и поговорить. Когда все «хвосты» были расчищены, Виктор Петрович продал чудом уцелевшую однокомнатную квартиру, которая не попала в поле зрения «компаньона»- спецназовца и отбыл в неизвестном направлении.

В этих краях его не видели несколько лет. Где он был, что делал ? – никто ничего определенного не знает. По слухам, был в Тибете, видели вроде его и в Европе. Но доподлинно неизвестно ничего об этом периоде жизни.

Появился так же неожиданно, как и исчез. Где-то поселился, но никто не знал, где конкретно. Купил старенькую «Ниву». Стал появляться на множестве самых разных мероприятий. Одет со вкусом, но не дорого. За год к нему привыкли. Любопытные пытались узнать хоть что-то, но безуспешно, Виктор Петрович умело уходил от вопросов.

И вот вдруг сошел с ума. Выдать «такое» на экономическом форуме. Ну не дурак ли ? Общественность сочла его явно сумасшедшим. Да и ФСБ попрессовала чуть и отправила на экспертизу в психушку. Там, как ни старались исполнить приказ, серьезных психических отклонений не смогли натянуть. Время-то всё таки не советское. И отпустили. Сначала налетели журналисты, не забывшие скандал. Но славы Плюхин не искал, ничего они у него не выпытали и отстали. Нимб городского сумасшедшего за ним утвердился прочно. Видимо свыкнувшись с этим своим «призванием» Плюхин вдруг «заговорил».

Началось на одном общественном мероприятии, многие из которых экс-адвокат посещал (но не везде, правда, его пускали, ведь «городской дурак»). Собрались лица, заинтересованные в развитии транспортно-дорожной отрасли области, включая Дениса Ивановича Пушкова - заместителя губернатора по транспорту и энергетике.

Крутили-вертели инвестиционную тему, тихо сидевший два часа Плюхин вдруг выдал:

«Денис Иванович, а зачем Вы подписали распоряжение на перечисление шестидесяти четырёх миллионов пятисот сорока одной тысячи рублей предприятию «Дорпромстрой»? Ведь предприятие полностью пустышка, даже офиса нет. Не столь уж откровенно бы «пилили» бюджет. Хотя понимаю Вас, инвестиции в себя – это лучшее вложение средств, как говорят учёные мужи»

Референт заместителя губернатора что-то зашептал на ухо шефу, тот кивнул в ответ, и референт изрек: «Выведите господина сумасшедшего, здесь не психлечебница!»

Виктора Петровича взяли под руки крепкие ребята в темных костюмах и выпроводили из зала.

Тем бы дело и кончилось, но на дворе была уже другая эпоха. Чиновники, как пауки в одной банке, всегда с удовольствием едят себе подобных.

Кто-то в зале не пропустил слова «дурака» мимо ушей. Через две недели в кабинете Пушкина прошёл обыск, и были изъяты документы, подтверждающие перечисление средств копейка в копейку предприятию «Дорпромстрой».

Главного транспортника и энергетика области временно отстранили от должности, завели по этому факту уголовное дело. После чего чиновник, «заболев», отбыл на лечение в Германию, хотя был сорока лет от роду и здоров как конь. Свято место пусто не бывает, на его место тут же назначили временно исполняющим обязанности одного из его замов. Зам умел очень внимательно слушать, даже «дураков».

Подобные эксцессы стали происходить то тут, то там с завидной частотой. Много голов полетело. Борцы с коррупцией пытались подружиться с Плюхиным. Но он и вправду начал становиться нелюдимом и дружеские отношения ни с кем почти не поддерживал.

«Сумасшедшего» Плюхина стали бояться. Спускали на него силовые структуры, но что с него возьмешь – терять ему нечего, ни кола ни двора, юридически же сто очков вперед даст любому оперу или следователю. Не так-то просто его укатать, ведь на дворе как-бы правовое государство.

Продуманные властные умы стали очень внимательно следить за тем, какое очередное устное творение выдаст «придурок», и умело использовать сказанное во внутривидовой номенклатурной борьбе. А борьба шла нешуточная. Быть во Власти – стало смыслом жизни. Многие бизнесмены капиталы отдавали за то, чтоб взгромоздиться на хорошую должность.

Все государевы люди уже давно вычистили свои биографии и сдавали налоговые декларации. Вернулось забытое «соцсоревнование» за честность и прозрачность. Де вот я какой весь чистый, прозрачный и непорочный. А тут Плюхин опять. Шлёп кашку на белоснежный чиновничий костюм. И ведь сука такая, всегда в точку, как будто за спиной стоял.

Взаправду, чиновники и не пытались стать честными. На место неумелых стали приходить умелые. Те, кого поймать сложно. Шла смена формаций. На многие важные места стали восходить бывшие работники силовых структур, самые лакомые должности доставались фэ-эс-бэшникам.

Пострадавшие зуб точили на «придурка». Пытались его в отместку наказать. Но его как-будто что-то хранило свыше. То науськанный наркоман, подкравшись незаметно сзади и уже замахнувшись на Виктора Петровича битой, вдруг проваливался в канализационный люк. То нанятые отморозки, по пятам шедшие вечером за «сумасшедшим», каким-то загадочным образом перепутали и забили до полусмерти майора милиции в штатском. И сели надолго.

Разных курьезов произошло немало. А этому «чиновничьему проклятью» всё нипочем. Ходит-бродит себе и как пешки с шахматной доски сносит чиновничьи головы.

С год всего длилось это действие, а слава народная по городу потянулась моментально. И пошли люди к Виктору Петровичу за советом в труднейших жизненных ситуациях. Плюхин сначала отмахивался и чуть не убегал от этих нуждающихся в помощи людей. Но ему были видны, в отличие от них, решения их сложных людских жизненных ребусов. Он стал давать короткие советы. «Иди и сделай то-то, не делай этого, помирись с женой и остальное наладится...». Подробно ничего не объяснял и не разжевывал. Действовало! И уж пройти по улице стало невозможно. Слава народная. И вдруг... Плюхин опять исчез, исчез совсем. Чиновники оглядывались в поисках «дурака» и вздыхали облегченно.

Объявился Виктор Петрович только через год и совершенно случайно. Одна женщина, которой когда-то Плюхин помог советом, поехала в небольшой городок на севере области в монастырь. Ситуацию, из которой она чудом выбралась, считала божественным чудом, и с тех пор стала ездить по святым местам. Вот там, в северном монастыре, и узнала она в одном из монахов «городского сумасшедшего». Но не сразу заговорила, а порасспросила братию. Ей и рассказали, что отец Серафим у них всего год, никто о его мирской жизни ничего не знает.

Женщина подошла к Серафиму, обливаясь слезами, упала перед ним на колени. И давай сыпать словами благодарности. Монах поднял её с колен, проводил до ворот. Вечерняя служба закончилась и монастырь закрывался. Неделю еще ходила благодарная женщина в божью обитель. Очень просил её отец Серафим не разглашать его местонахождение. В слезах обещала, клятвенно поклялась хранить тайну. Но не удержало женское сердце радость в тайне, - поделилась с лучшей подругой под уговором строжайшего секрета.

Новость змейками расплзлась по областному центру. И вот в монастырь потянулись сначала одиночки, потом маленькие кучки людей. Шли к отцу Серафиму.

Монастырское священно-началие это вначале радовало. Только в скором времени целыми автобусами стали приезжать за советом, утешением, благословением... Отец Серафим теперь не мог отказать людям в помощи, монашеский сан обязывал. Поток людей нарастал, монастырь покинула тишина и покой. Тогда настоятель обители, благословясь у епископа, выслал отца Серафима, наложив послушание, в глухую деревеньку в тридцати километрах от монастыря. Но и туда шли люди. Автобусами и машинами, по ледовой переправе на другую сторону могучей сибирской реки.

Церковное начальство решило остановить наконец это суеверное безобразие, а то и до беды недалеко. Полгода прошло, как отправили отца Серафима в эту деревушку, всё едут и едут. Не поймешь этот народ.

Посоветовавшись, архиереи, решили отправить отца Серафима аж на триста километров севернее монастыря. В маленькое селение, которое даже и деревушкой-то не назовешь, а зовут факторией. Попасть туда можно только вертолетом, или в теплое время по реке пароходом.

Отец Серафим вырыл там себе землянку, местные жители выложили монаху печку и самым необходимым помогли. А много ли монаху нужно... Редкий путник теперь добирается до отца Серафима. Но единицы доезжают каким-то чудом даже туда.

Молится монах Серафим за Спасение мира в северной тишине. За всех людей молится, по сей день...